

Вольф Москович: в Израиле меняется представление об Украине

Один из ведущих славистов мира, главный украинист Израиля, председатель Всемирного Совета [идиша](#) профессор Вольф Москович — о советском прошлом и идеализации Израиля, судьбе маме-лошн и его влиянии на украинские говоры, украинско-еврейском диалоге и национальных героях.

— Вольф Абрамович, ваше детство сложно назвать советским, хотя пришлось оно на сталинскую эпоху...

— Это правда, я родился в религиозной семье, в девять лет родители наняли мне частного учителя иврита и традиций, а в тринадцать в главной синагоге этого города (мы беседуем в кулуарах международной конференции по языку и культуре идиш в Черновцах) при большом стечении народа у меня была бармицва — шел 1949 год... До восемнадцати лет я даже накладывал тфилин. Это была среда моего обитания, сформированная людьми, так и не ставшими

частью «семьи советских народов».

— Как еврею из такой среды, к тому же провинциалу, удалось поступить в 1953-м на арабское отделение Московского института востоковедения?

— Я был одержим идеей любым путем выбраться из СССР, и выбор вуза в этом смысле не случаен. Сначала пробовал поступить в МГИМО, где, взглянув на документы, мне честно заявили, что *таких, как я*, они не принимают. Но намекнули, что можно попытаться счастья в Институте востоковедения. Собеседование, в результате которого отсеялись все остальные еврей-медалисты, было зубодробительным, а потом нас ждал экзамен по английскому, который я сдал на пятерку и... поступил.

Ивритом я владел неплохо, поэтому с арабским проблем не возникало — зачастую, услышав новое слово, я знал его перевод еще до того, как нам его озвучили (у этих языков 40% общей лексики) — учителя только разводили руками. Ко мне даже подослали агента, показавшего словарь иврита, ожидая моей реакции. Я с восхищением взял этот словарь и стал его перелистывать, показав тем самым, что язык мне знаком. Вскоре мне поручили подготовить доклад об экономике Израиля — я сделал его на основе советских газет 1947 — 48 годов, где крайне положительно отзывались о еврейской Палестине. Я — первокурсник — просто цитировал «Правду» и «Известия» — придраться было не к чему... После выступления руководитель семинара, бывший советский дипломат в Турции товарищ Орешкин заявил, что все изложенное в докладе — правда, однако студент забыл упомянуть, что Израиль является агентом американского империализма на Ближнем Востоке.

Билеты на футбольные матчи Израиль — СССР и СССР — Израиль, 1956

Длилось все это недолго — в 1954-м председатель Совмина Маленков решил закрыть Московский институт востоковедения, а лучших его студентов перевести в МГИМО. Будучи в числе лучших, я уже видел себя студентом Института международных отношений, но декан расставил точки над «i» — шансов нет. Я пытался спорить — ведь более слабых сокурсников уже перевели (все они стали послами, крупными советскими дипломатами, журналистами-международниками и т.д.) — но безрезультатно.

Узнав, что меня не переводят, наш учитель арабского Али Ахмедович Либерман, обучавший меня разговорному иерусалимскому диалекту, плакал. Это один из самых замечательных людей, которых я когда-либо встречал...

— Али Ахмедович Либерман?

— Его настоящая фамилия — Иль Фархи. Коренной иерусалимский араб, коммунист, бежавший при британцах из Палестины через Ливан в СССР и оказавшийся в лагере под Одессой, где в целях конспирации для последующей засылки в Палестину всем арабам давали еврейские фамилии, а евреям — арабские. В итоге от своей еврейской фамилии он избавлялся через суды много лет, особенно, когда его дочь Адочка Либерман поступала в университет. В конце концов, ему это удалось, и на обложке карманного русско-арабского словаря стоит имя Тагер Ахмед Иль Фархи. Как бы то ни

было, меня отказались переводить в МГИМО, МГУ и ЛГУ, предложив вуз по месту жительства, то есть Черновицкий университет. Так я стал студентом английского отделения романо-германского факультета ЧНУ, где когда-то учился Пауль Целан. Надо сказать, преподаватели у нас были замечательные — некоторые переехали из Москвы и Ленинграда — у них можно было изучать санскрит, древнегреческий, латынь. А учителя разговорного английского были коммунистами, эмигрировавшими из Соединенных Штатов в СССР и не посаженными, а сосланными в провинциальный университет.

— Вы снова стали лучшим студентом, но в аспирантуру, тем не менее, не поступили.

— Помимо английского, я знал арабский, французский и немецкий, но мне объяснили, что для аспирантуры я слишком молод, хотя приняли в нее еще более молодого человека. Меня же распределили в буковинское село Нова Жадова простым школьным учителем. Ничего, со временем выплыл — после нескольких публикаций в «Вопросах языкознания» — наиболее авторитетного академического журнала по лингвистике в СССР — меня принимали в аспирантуру любого вуза, правда, не в Украине, где я хотел остаться. Но в Киеве, и в Харькове мне отказали, а из Москвы и Ленинграда поступило сразу несколько предложений — в итоге я защищался при Московском государственном институте иностранных языков.

— Почти десять лет вы возглавляли лабораторию информационных языков Госкомитета по делам изобретений и открытий при Совмине СССР. Чем занимались, если не секрет?

— Поиском информации и машинным переводом для патентного ведомства, проводившим экспертизу для обеспечения советского приоритета в той или иной сфере. В лаборатории работали десятки программистов, и мы вышли на достаточно высокий уровень, в чем-то даже опередив Запад, — ряд наших идей были использованы много лет спустя при создании современных поисковиков вроде Google.

Это была крайне интересная сфера и, главное, она не предполагала секретный допуск. Я не хотел быть связан никакими обязательствами, поскольку всегда знал, что уеду из СССР. И это сработало — мне дали разрешение всего за полтора месяца, в октябре 1974 года.

— Доктор наук в 35 лет, автор нескольких книг и сотен статей, известный ученый... Почему решили репатриироваться? Понимали, что лингвист, мягко говоря, не самая востребованная специальность в Израиле?

— Во-первых, я тогда вообще не думал о карьере — просто хотел уехать из этой тюрьмы народов. Перед каждой международной конференцией начальник первого отдела заявлял: передайте текст вашего доклада товарищу Рослову, который зачитает его, запишет вопросы, а вы потом письменно на них ответите. В результате я ни разу не выехал за границу, хотя имел множество зарубежных публикаций.

Во-вторых, я не думал об эмиграции куда-либо, кроме Израиля. Все 13 семей, летевших с нами по израильской визе из Москвы, повернули в Вене в сторону Америки. Причем, я был единственным, кто очень хорошо знал английский, поэтому меня упрашивали тоже лететь в Штаты — нашим попутчикам нужно было заполнять анкеты, а там были люди с уголовным прошлым, которое они хотели скрыть.

Смешно вспоминать, но так называемую «правду об Израиле» мне пытались открыть даже израильтяне, принимавшие будущих репатриантов в замке

Шёнау под Веной и предупреждавшие, ох, наплачешься. Но эту правду я знал и раньше, более или менее представляя себе ситуацию и не идеализируя Израиль.

Но окончательно понял, что еду на Ближний Восток, когда после проверки израильскими таможенниками нашего багажа в том же Шёнау из пяти флаконов духов «Красная роза» в чемодане остался только один...

Репатрианты из СССР прибывают в Израиль, нач. 1970-х

— Как вас принял академический мир в новой стране?

— Тогдашний президент Израиля Эфраим Кацир, у которого я был на приеме, предложил три варианта трудоустройства. Первый — армия — единственное место в Израиле, где занимались примерно тем, над чем мы работали в Москве. Второй — отъезд в страну, где эта тематика была востребована — США или, скажем, Швецию, куда меня активно приглашали и где я часто бывал с лекциями. Но уезжать из Израиля я категорически не хотел, поэтому оставался третий вариант — кафедра в Израиле. А поскольку из 300 моих

публикаций несколько десятков были по славистике, меня с радостью приняли сначала в Тель-Авивский университет, а через год, когда открылась кафедра славистики в Еврейском университете в Иерусалиме, я был избран ее главой. Одним из моих первых студентов был, кстати, нынешний министр обороны Авигдор Либерман.

Что касается академического мира, то с израильянами не было никаких проблем. Трения порой возникали с недавними репатриантами, но это исключительно вопрос конкуренции. Во всех сферах ситуация была аналогичной — в маленькой стране, в которую постоянно прибывают иммигранты, чья квалификация выше твоей, — приходится защищаться. Многие уехали, так и не найдя своего места.

Надо сказать, что русистика в те годы в Израиле была на необычайно высоком уровне, благодаря приезду лучших профессоров из Москвы и Ленинграда у нас сложилась одна из сильнейших кафедр в мире. К нам приезжали учиться из многих стран, учитывая, что СССР еще был за «железным занавесом».

При этом я рад, что славистика не стала единственной моей карьерой, даже в годы председательства в Израильском союзе славистов. С 1979 года я возглавлял совместный с Колумбийским университетом проект составления Большого словаря языка идиш на 250 000 слов. Параллельно преподавал идиш в Бар-Илане, на летней школе в Оксфорде, проводил семинары в разных странах.

В течение 15 лет был корреспондентом украинской службы Радио Свобода на Ближнем Востоке, что помогло мне сохранить разговорный украинский. Впоследствии основал Ассоциацию украинских исследований в Израиле, был вице-президентом международной ассоциации украинистов. В украинском языке я чувствую себя даже более свободно, чем в русском. Еще в этнографических экспедициях Института славяноведения АН СССР я изучал украинские говоры, диалекты, быт, а в 1980-е вводил курсы украинистики в наши программы в Иерусалиме и всячески поощрял студентов, выбиравших этот язык.

С первым президентом Украины Леонидом Кравчуком, 1993

— И многие выбрали?

— Крайне мало. Да и в целом славистика в последнее время не пользуется популярностью — молодежь предпочитает более практичные специальности — программирование и т.п. У нас вообще огромная проблема с гуманитарным образованием — кафедры закрываются одна за другой — у гуманитариев нет будущего в такой маленькой стране, как Израиль.

Я недавно заходил на наш факультет — практически все его нынешние студенты — арабы — как с израильским паспортом, так и жители Иудеи и Самарии. Почему бы и нет? Прекрасное образование, а наш диплом позволяет устроиться и в некоторых арабских странах. Моя дочь недавно окончила гуманитарный факультет Еврейского университета в Иерусалиме, и все ее сокурсники были арабами. Это, кстати, к вопросу о дискриминации.

— Вы были одним из первых, кто налаживал прямые контакты между украинской и еврейской диаспорой в 1970-е. У этого диалога было много оппонентов с обеих сторон?

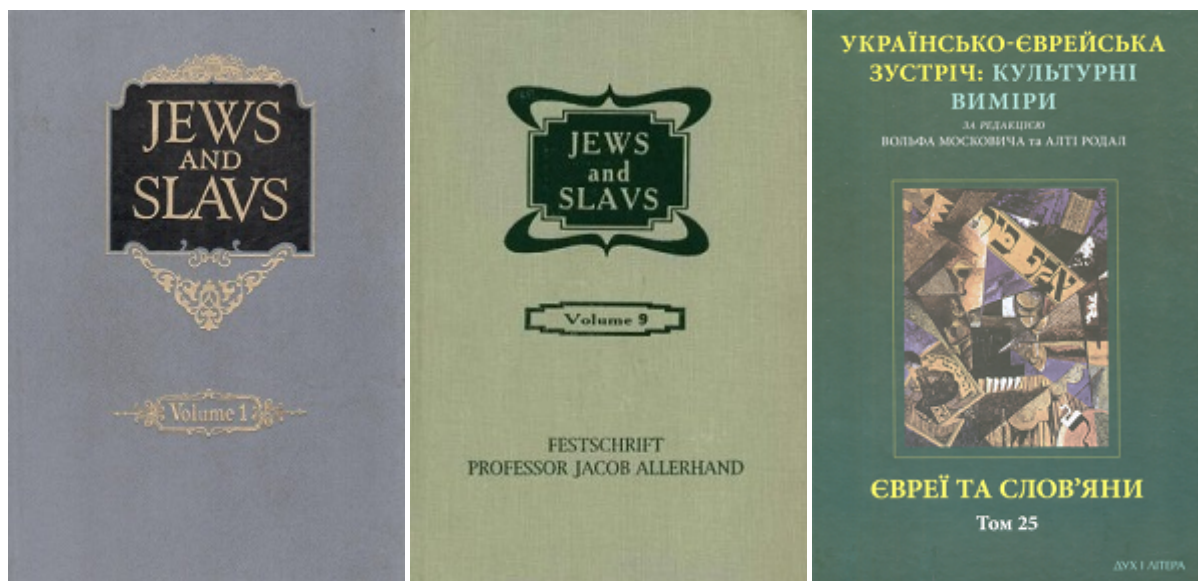

— В академической сфере вообще не было разногласий — я же филолог, а не историк. Другое дело, что в 1983 году в Канаде прошла конференция еврейских и украинских историков, которые почти рассорились между собой из-за разных оценок наиболее драматических периодов общей истории. Но в результате в серии «Евреи и славяне», редактором которой я был, вышел специальный том, где нашли отражение все эти жаркие споры.

Параллельно существовало израильское Общество еврейско-украинских связей, созданное бывшим узником Сиона Яковом Сусленским, отсидевшим семь лет в мордовских лагерях. Он издавал серию «Диалоги», где приводились разные точки зрения на всё происходившее между украинцами и евреями в XX веке. Сусленский, кстати, был почти в братских отношениях с Левком Лукьяненко, но не мог понять и принять проявившиеся в 1990-е у украинского диссидента антисемитские взгляды, написал ему резкое письмо и разорвал отношения с другом.

Еще раньше ударом по межнациональному диалогу стала книга активного деятеля ООН из США Петра Мирчука, изданная им после посещения Израиля в 1981-м. Он был тепло принят Сусленским, и не только им, но в своих «Зустрічах й розмовах в Ізраїлі» обвинял евреев во всех смертных грехах.

После распада СССР я стал созывать в Иерусалиме международные конгрессы по сближению культур, и делегация из Украины — в силу моих личных симпатий — всегда была самой большой — в нее входили прекрасные люди — Оксана Забужко, Вадим Скуратовский, Микола Рябчук...

Издания из серии «Евреи и славяне»

— Вы живете в Израиле больше сорока лет. За это время образ Украины и украинцев как-то изменился?

— Надо понимать, что до 1991 года Украина не воспринималась как отдельная страна. Образ украинца-резуна, конечно, существовал, но связан он не столько с украинцами (для которых в идише даже нет обозначения), сколько с понятием «казак». В еврейском сознании «казак» — это символ насилия. Поэтому Хмельницкий однозначно воспринимался как преследователь и убийца евреев, а в XX веке это было перенесено на Петлюру, что хорошо видно в поэзии «принца еврейской баллады» Ицика Мангера.

Так было и так, отчасти, остается. Вместе с тем происходит смена поколений, а вместе с ней и смена представлений об Украине и украинцах. Почему митрополит Шептицкий так и не получил звание Праведника народов мира, хотя он его заслужил? Да потому, что в комиссии «Яд Вашем» сидели люди, пережившие этот кошмар, — даже зная о подвиге митрополита, они не могли признать его праведником, поскольку он приветствовал Гитлера.

Но в опыте их внуков этого нет — в большинстве своем история их вообще не интересуется.

Есть и другой аспект. Примерно 50 000 этнических украинцев живут в еврейском государстве. И они тоже создают свое поле — и это поле притяжения, а не отталкивания. Все это явно меняет образ Украины в Израиле.

— Майдан вас со многими развел по разные стороны баррикад?

— События на Майдане в той или иной мере интересовали выходцев из бывшего СССР, но в целом израильтянам наплевать, что творится в той или иной стране. Их интересует безопасность Израиля. У меня пятеро детей — все с высшим образованием, некоторые с докторской степенью. В лучшем случае они просят привезти их в мой родной город, но копаться в украинско-еврейских отношениях им не приходит в голову. При этом предрассудков в отношении украинцев у них нет вообще.

— Кроме работ в области славистики вы известны как крупный идишист, президент Всемирного Совета идиша. Академический интерес понятен — речь об огромном пласте еврейской культуры, но можно ли говорить о возрождении этого языка или хотя бы расширении круга его носителей?

— Идиш не умирающий язык, он исчезает лишь в одном секторе еврейского общества — среди светских евреев. Но в религиозной среде насчитывается по разным оценкам от полумиллиона до миллиона носителей идиша.

Национальное сознание многих участников этой конференции базируется на идише — исчезает язык — исчезает самосознание. У соблюдающих евреев идентичность связана с религией. Кажется, что нас мало что связывает с этими «мракобесами», но всего три-четыре поколения тому назад все мы были хасидами. Ортодоксы являются ядром еврейского народа, от которого постоянно отпочковываются наши соплеменники. Но пока существует это ядро — еврейский народ жив. А отколовшиеся отходят все дальше и дальше, пока не растворятся среди окружающих народов.

А вот за религиозных евреев я спокоен, в том числе и за их идиш...

На открытии конференции по языку и культуре идиш, Черновцы, 2018

— Но мы не можем отрицать, что идиш хасидов из Боро-парка — это язык с очень ограниченным функционалом.

— Во-первых, это не так — им приходится иметь дело с современным миром, Интернетом, смартфонами, они ездят на машинах и чинят эти машины — для всего этого нужна терминология. Да, их идиш другой, но в очень многих технических областях он никогда и не функционировал.

Нельзя относиться к «религиозному» идишу как к чему-то отдельному от процесса функционирования языка. И если сегодня у ортодоксов нет слов для обозначения каких-то понятий, то завтра эти слова появятся. Как это происходит в языках Африки, которые начинали с нуля, а сейчас полноценно обслуживают все сферы жизнедеятельности.

— Насколько глубоки связи и взаимовлияния украинского языка и идиша?

— На западе Украины идиш присутствует абсолютно во всех говорах, поскольку примерно 30% городского населения составляли евреи. У моего украинского коллеги Олексы Горбача есть статья о языке украинских

школьников, посвященная периоду 1920-х годов, где приводится масса заимствований из идиша. Например, глагол *байтлувати* — врать, трепаться. Или классическое *цурес* — проблемы. Тот же Горбач нашел элементы идиша в сленге бойцов дивизии СС «Галичина», что совершенно естественно, учитывая присутствие идиша в городских и сельских говорах Украины.

Лингвист Виктор Свобода написал несколько замечательных статей о влиянии идиша на украинский язык и о влиянии украинского языка на идиш. В идиш-русском словаре Лившица, изданном в 1876 году в Житомире, мы увидим огромное количество украинских слов. Как будет «ужин» на идише? Вечеря. Копл Любарский в 1927 году в Одессе издал брошюру «Украинизмы в языке идиш», содержащую примерно 500 таких лексем — и это верхушка айсберга. В произведениях последнего идишистского писателя Буковины Иосифа Бурга мы находим такие слова как *повинь* (от украинского *повінь* — наводнение), *хаткэ*, и многие другие.

— Что для вас Черновцы — и в личном плане, и в контексте украинско-еврейских отношений?

— Один автор писал в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, что Черновцы напоминают ему моллюска, в котором когда-то жило живое существо, — существа уже нет, но раковина осталась. Мне близко это ощущение...

Но близок и дух старых Черновцов, где предприняли одну из первых попыток построения толерантной многонациональной общности. В 1910 году был принят закон *der Bukowiner Ausgleich*, позволявший всем общинам иметь представителя в парламенте Австро-Венгрии. Это был некий прообраз будущей объединенной Европы, но в рамках полиэтнической империи.

Впрочем, достаточно часто украинцы и евреи объединялись здесь в борьбе за равноправие — так, например, в 1907 году известный украинский деятель Юлиан Романчук был избран в австрийский парламент, представляя там обе общины.

Мало кто помнит, что когда в 1908-м в Черновцах готовили первую конференцию по языку идиш, то лидеры местной еврейской общины отнеслись к ней с большим недоверием, поэтому открылась она... в Украинском доме. Этот факт производит большое впечатление на моих украинских коллег, и это реальное свидетельство духа взаимопонимания и

толерантности, царившего на Буковине.

При всем этом ностальгии у меня нет — я вряд ли мог бы жить в современных Черновцах — начинаю скучать, останавливаясь здесь больше, чем на неделю. Но раковина осталась — это мой город...

— Вы зарекомендовали себя твердым сторонником Украины. Не вредят ли действия отдельных украинских чиновников, в частности в сфере исторической памяти, имиджу государства?

— Разумеется, каждый антисемитский акт не помогает отстаиванию украинской позиции. Сразу начинается гвалт, мол, мы же тебе говорили... Но нельзя рассматривать Украину под микроскопом — подобные инциденты происходят везде — украинский антисемитизм не единственный в мире и далеко не самый воинственный.

Что касается действий Украинского института национальной памяти, то это — ревизия истории, формирующая новую парадигму украинского национального сознания. Помещая ОУН в ее центр, надо понимать, что память об этой организации культивировалась в диаспоре и в одном из многочисленных регионов Украины, поэтому не все в стране готовы с ней солидаризироваться. Героев ведь можно разных выбирать — вокруг Ивана Франко, Винниченко или митрополита Шептицкого тоже можно строить национальный пантеон. Но мы — евреи — не можем и не должны определять, кого украинцам выбирать в герои. Это их выбор, и его последствия тоже лягут на них. Да, войти в Европу с таким пантеоном сегодня нельзя, но украинское общество должно само в этом убедиться...

Беседовал Михаил Гольд